

Прежде чем сесть в поезд, Сун Чжаоди уже увидела, что Чжун Дава был вспыльчивым маленьким мальчишкой, и уже мысленно готовилась держать себя в руках. Она улыбнулась и сказала:

— Я знаю, что у тебя только одна мама, и я не буду просить тебя звать меня так. Можешь звать меня матушкой*.

П. п.: Игра слов. Wǒmā – «моя мама», «мамочка» и более официальное wǒniáng – «моя мать», «матушка».

— Матушка? — озадаченно переспросил ребенок.

Сун Чжаоди наклонилась и погладила его лицо:

— Верно, хороший мальчик.

— Ты, ты плохая женщина, — малыш подтянул штаны и указал на Сун Чжаоди. — Я знаю, что матушка — это тоже моя мама, ты меня обманываешь, я все расскажу папе! — и убежал.

Сун Чжаоди неспешно последовала за ним, и когда она подошла к их месту, то услышала, как ребенок жаловался Чжун Цзяньго.

— Не хочешь называть меня мамой или матушкой, называй мачехой, — с улыбкой сказала Сун Чжаоди. — Мне все равно, главное, чтобы твой отец не возражал.

Мачеха? Сун Чжаоди не против, чтобы ее так принижали, но капитан Чжун Цзяньго все равно смутился:

— Дава, что я тебе говорил раньше? Если ты не будешь слушаться, я отправлю тебя в дом бабушки.

Ребенок в ответ сердито посмотрел на Сун Чжаоди:

— Плохая женщина.

Затем он обернулся к отцу:

— Если ты отправишь меня к бабушке, я убегу.

— Посмотрим, что ты сможешь сделать, — Чжун Цзяньго все еще кормил своего младшего сына печеньем. — Опять твоя старшая двоюродная сестра что-то наговорила? Ты ничему хорошему не учишься, но все время следуешь за ней. Чжаоди, не сердись, я поговорю с ним позже.

Сун Чжаоди отмахнулась, придав лицу выражение умудренного жизнью человека:

— Он еще маленький и только что потерял мать, я все понимаю, я не буду заставлять его.

Мальчик услышал, что Сун Чжаоди не собирается принуждать его и невольно почувствовал неловкость. Он обернулся и снова уставился на девушку:

— Плохая женщина.

— Пф-ф! — рассмеялась Сун Чжаоди. Этот ребенок знает всего одно ругательство?

Чжун Дава резко отвернулся:

— Над чем ты смеешься?

— Она подумала о чем-то хорошем, — Чжун Цзяньго видел, что Сун Чжаоди на самом деле не сердится, и проникся к ней симпатией. Он переживал, что его невежественный старший сын действительно разозлит Сун Чжаоди, поэтому перевел тему:

— Дава, ты голоден?

Семья невестки Чжун поела после шести часов. Сейчас было почти двенадцать. Чжун Дава дотронулся до своего живота и сказал:

— Я голоден, папа.

— Подожди минутку.

Чжун Цзяньго докормил младшего сына, сменил ему подгузник и передал ребенка Сун Чжаоди, прежде чем накормить старшего и второго сына.

Сун Чжаоди очень удивилась, увидев, что Чжун Цзяньго умело кормит обоих детей. Она всегда думала, что мужчина не умеет ни работать по дому, ни заботиться о детях. Потом она увидела, как он ловко вытер рты двум своим сыновьям, и не смогла удержаться от мысли, что первая жена Чжун Цзяньго в прошлом была благословлена небесами.

Мужчина, который до этого болтал с Сун Чжаоди, наблюдал, как Чжун Цзяньго понес второго ребенка в туалет, чтобы тот пописал, и не мог не сказать:

— У вас хороший муж.

— Я тоже это вижу.

Сун Чжаоди с интересом посмотрела на ребенка рядом с собой:

— Ты все еще не спишь? Взять тебя на ручки?

Чжун Дава фыркнул и отвернулся от девушки, уткнувшись лицом в сиденье.

Сун Чжаоди не смогла удержаться от поддразнивания, когда увидела его поведение:

— Дава, ты так меня ненавидишь, когда я буду готовить в будущем, ты будешь есть эту еду?

— Я... Я не разговариваю с плохими женщинами, — стойко ответил Чжун Дава и продолжил сидеть на твердой скамейке, не обращая внимания на Сун Чжаоди.

— С кем ты не разговариваешь?

— С плохой женщиной.

— Кто такая плохая женщина?

— Это ты.

— Тогда с кем ты сейчас разговариваешь?

— Ты... — Чжун Дава обернулся. — Ты — плохая женщина, больше не разговаривай!

Сун Чжаоди закивала головой:

— Хорошо-хорошо, я послушаю, что сказал Дава, и с этого момента я больше не буду говорить.

— Хмф! — Ребенок выглядел так, словно выиграл битву. — Если ты будешь меня слушаться, я не буду называть тебя тетей.

Сун Чжаоди подумала про себя: «Я совсем не тороплюсь, однажды ты заплачешь и назовешь меня своей мамой».

— Я не прошу тебя звать меня мамой. Наверное, Дава в глубине души хочет позвать маму и боится забыть ее, поэтому всегда напоминает себе, что никого нельзя называть также?

Мальчик растерялся и пробормотал:

— Не разговаривай, я хочу спать, — устроившись на сиденье, он укутался в пальто.

Мужчина с сиденья напротив посмотрел на Сун Чжаоди с улыбкой на лице и тихо спросил:

— Ваш муж не знает вашего истинного лица, не так ли?

— Не понимаю, о чем ты, — ответила Сун Чжаоди.

Мужчина потерял дар речи и, боясь, что Чжун Дава услышит его, сказал самым тихим голосом:

— Ты собираешься продолжать притворяться?

— Я же не больная.

Сун Чжаоди бросила на мужчину непонимающий взгляд, дразня ребенка у себя на руках, а затем посмотрела в сторону туалета. Никто не возвращается? Она не могла не нахмуриться:

— Почему он там так долго? Подождите, не мог же он забыть взять с собой бумагу, верно?

— Возможно. Не ищи, она у меня рядом, вот.

— Пожалуйста, помоги мне присмотреть за старшим, — Сун Чжаоди взяла газету, подхватила младшего ребенка и побежала в туалет.

11 октября в семь часов утра Сун Чжаоди сошла с поезда, посмотрела на только что взошедшее солнце и глубоко вздохнула:

— Мамочка, я выжила.

— Сначала отдохнем на станции, — сказал Чжун Цзяньго. — Потом перекусим и пойдем на пристань.

За тридцать часов в поезде даже Сун Чжаоди словно прошла через призрачные врата, а уж детям пришлось совсем несладко. Когда они вышли из вагона, Чжун Цзяньго нес в руках две сумки и второго сына на спине и попросил Сун Чжаоди нести старшего и третьего сыновей.

Сун Чжаоди собралась с духом и подняла на руки Даву, который выглядел так безжизненно, что просто без слов позволил девушке взять его. Даже когда Сун Чжаоди случайно ударилась о дверь, держа его на руках, ребенок не открыл глаза.

Сун Чжаоди не испытывала никаких чувств к трем детям. Но увидев, что львенок превратился в маленькую перепелку, она не смогла сдержать огорчения:

— Почему бы нам не пойти на пристань попозже?

— Здесь рейсовые автобусы, — сказал Чжун Цзяньго. — Пароход отправляется в десять часов. На юг едет мало людей, и билеты можно купить в любое время.

— Времени достаточно. Кстати, можно ли здесь использовать твои продовольственные талоны*?

П. п.: В каждом из 2500 городов, уездов, поселений и волостей Китая того времени выпускались свои продовольственные карточки (талоны) для использования именно в этом районе. Кроме того, на некоторых предприятиях, в колхозах, вузах, воинских частях и коммунах были также еще свои продовольственные карточки.

— Мои талоны выданы здесь. Все основные войска были переведены в конце прошлого года, продовольственные и другие талоны не успели поменять, — ответил мужчина. — В этой сумке тоже есть деньги. Ты хочешь сейчас отойти?

Сун Чжаоди рылась в вещах:

— Да. Я пойду одна, не волнуйся, если я заблужусь, то попрошу у кого-нибудь помощи. Не забывай, у меня есть аттестат о среднем образовании, я умею читать.

Она достала из сумки продуктовые талоны, пересчитала их и остолбенела:

— Почему тут так много?

— Зарплата за последние несколько месяцев практически не использовалась, — сказал Чжун Цзяньго.

Рука Сун Чжаоди дрогнула. Он дал ее семье двести юаней, в тот день на покупку тканей и одежды она потратила пятьдесят или шестьдесят юаней, и в сумке осталось около двух или трех сотен юаней. Несколько месяцев? Если она правильно помнит, жена Чжун Цзяньго умерла чуть больше трех месяцев назад, а с похоронами и тремя детьми, которых нужно кормить, он не смог бы накопить столько денег меньше, чем за семь или восемь месяцев.

Сун Чжаоди посмотрела на мужчину и увидела, что Чжун Цзяньго поит водой своего второго сына. Он явно не собирался ничего объяснять. Девушка проглотила рвущиеся слова и свернула в рулон часть денег и талонов:

— Я постараюсь вернуться в течение часа.

— Можешь не торопиться, — ответил Чжун Цзяньго. — На пристань можно приехать и в девять.

Чжун Дава посмотрел на спину уходящей Сун Чжаоди:

— Папа, она убежит?

— Ее одежда и аттестат об окончании школы лежат в сумке рядом с тобой. Она не убежит, она беспокоится, что мы не будем ее ждать. Дава, твой мачеха — хороший человек. Ты не должен капризничать, когда приедешь на остров, ты должен помогать ей присматривать за двумя младшими братьями.

Чжун Эрва оттолкнул от себя чашку:

— Папа, я послушный.

— Эрва молодец, — улыбнулся Чжун Цзяньго. — Дава, ты меня слышишь?

Старший мальчик согласно хмыкнул:

— Я буду хорошим, если она будет хорошей, вот так.